

ВСЕ УПИРАЕТСЯ В ПРОБЛЕМУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Мы продолжаем публикацию интервью с игуменом Петром (Мещериновым), руководителем Школы молодёжного служения Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи при Даниловом монастыре

Кифа: Меня очень «зацепил» вчера Ваш тезис о «разрыве между евангельскими и церковными ценностями». Тут еще журналистский есть интерес, потому что этот тезис звучит очень остро.

О. Петр: Провокативно.

Кифа: Да. Поэтому я и отреагировал сразу. Не могли бы Вы развернуть этот тезис? И еще, как это, по Вашему мнению, преодолевается?

О. Петр: Во-первых, Евангелие очень жестко выстраивает иерархию христианских ценностей. Вообще Евангелие вещь бескомпромиссная, черно-белая, Господь говорит: «Кто не собирает со Мною, тот расточает». Евангелие дает заповедь о любви к Богу и ближнему. И Евангелие же говорит: «Нельзя служить двум господам». Следовательно, христианину необходимо исключить ситуацию, когда он служит двум господам, как в случае с патриотизмом.

Патриотизм вещь прекрасная, но сейчас ему очевидно придается религиозное значение. И получается служение двум господам. Чтобы этой ситуации избежать, надо посмотреть на патриотизм с евангельской точки зрения, как на исполнение заповеди Божьей о любви к ближнему и о любви к Отечеству. Так же и во всем остальном. Церковь реализует жизнь Евангелия на земле посредством таинств, догматического учения, нравственной жизни, духовного опыта и т.д. Церковные ценности, если мы их берем сами по себе, имеют свое достоинство только в том случае, если через них как раз реализуются евангельские ценности, евангельские заповеди. Но очень часто у нас получается, что Евангелие отодвигается на второй план.

Собственно под церковными ценностями я подразумеваю не церковную исконную традицию, а внешние вещи. Те, которые надо брать в кавычки: авторитет, корпорация и прочее. Они все имеют право на существование, но только в том случае, если через них выражаются евангельские ценности. Это очевидная мысль. Как это реализовывать? Это и есть дискуссионный вопрос.

Кифа: А какие-нибудь вдохновляющие примеры есть в окружающей действительности?

О. Петр: В окружающей действительности я могу назвать имена митрополита Антония Сурожского и о. Александра Шмемана, которые обладали именно евангельским ощущением Православия. Естественно, сонм новомучеников, они как раз воспитывались в синодальной системе, в которой внешнецерковные ценности (государственно-церковные, державно-церковные, традиционные) ставились на первое место. И посмотрите, синодальное время кончилось, и люди разделились на мучеников, обновленцев и соглашателей. У одних Евангелие превозмогло в жизни, у других — нет.

Это надо осознавать. А для этого осознания есть серьезное препятствие. Вспомните — как первые христиане воспринимали мир? «Да преидет мир сей, да придет благодать!» Мы же по-другому воспринимаем жизнь, для нас очень важна и ценна двухтысячелетняя история христианства или тысячелетняя история русского православия. Для нас это драгоценность — такая зримая, осязательная, весомая... но она может заслонять собой евангельское начало, евангельское содержание. К ней легче апеллировать, ее легче показать: вот купол и колокола звонят. А что за этим

стоит? Это уже показать сложнее, потому что это тайна отношений человека и Бога, души и Бога. Всегда более зримое, более материальное имеет свой первес.

Кифа: Среди путей выхода из создавшейся ситуации, которые обсуждались на круглом столе о подготовке к причастию, был обозначен путь рождения евхаристической общины. Насколько, исходя из Вашего пастырского опыта, возможно существование таких общин?

О. Петр: Община создается несколькими вещами. Прежде всего, конечно, жертвенным пастырским трудом. И здесь какой пастырь — такая община. Проблема заключается в том, что если у пастыря какое-то свое представление о церкви, то этими же представлениями заболевает и община. Если пастырь нормальный, то и общи-

на дисциплина, чистота Православия и прочее, и прочее. И поэтому, т.к. евангельская нравственность не воспитывается в первую очередь, то собственно нет фундамента, на котором могли бы плодотворно созидаться общины. Общину на том, что все вместе постыятся или едут окунаются в какой-нибудь источник, не построишь. Это приход, вот как он есть в большинстве наших храмов.

Кифа: Получается, с одной стороны, все зависит от инициативы пастыря и устремления людей, но, с другой стороны, Святейшим патриархом создание евхаристической общины поставлено как задача.

О. Петр: Дело в том, что священноначалие постоянно говорит и наставляет на каких-то здоровых и нужных вещах. Но в силу какой-то инерции, это не воплощается в жизнь с такой скоро-

Кифа: Я сам катехизатор одного из соборов Петербурга, и в моей практике был такой случай. Мне одна женщина из тех, кто пришел в церковь утвердиться в своих национально-патриотических убеждениях, сказала: «Ну, что Вы все о Христе. О том же и протестанты говорят».

О. Петр: Ну, а, собственно говоря, мы с протестантами различаемся не тем, что мы говорим о Христе, а как мы реализуем эти разговоры. Мы можем и поучиться у протестантов. Хотя у них и очень усеченное учение и нет такой полноты благодатной жизни, зато у них есть одно достоинство — они свое учение воплощают в жизнь. А у нас есть прекрасное, чудесное, замечательное, учение, действительно лучшее и истинное, а в жизнь оно не воплощается. Вот мне как раз говорил человек, который из пятидесятников перешел в православие: «Мы перешли в православие, видя в нем Истину, и мы к этой Истине пришли. А когда мы пришли, то увидели, что она в жизни православных никак не воплощается».

У нас с ними много общего — вера в Христа как Бога. У нас с ними расхождение в сфере таинств, в сфере церковного предания. Но, во всяком случае, с протестантами у нас гораздо больше общего, чем с мусульманами. А сейчас идет националистическая пропаганда, которая включает в себя утверждение, что мусульмане наши братья. Поэтому у нас замечательные мусульманские друзья во внешней политике и вообще. Т.е. получается, что протестанты нам враги, а мусульмане — друзья. Абсурд, но, тем не менее, он существует. Я, конечно, не говорю о вражде с мусульманами, но о той же самой иерархии христианских ценностей.

Кифа: Для православного человека, который принадлежит к богатейшей и древнейшей традиции, есть проблема — никто не снимает с него ответственности за его веру и за его нравственную жизнь, но он ее не берет.

О. Петр: Да, не берет. Но это и есть патернализм. Т.е. человек приходит в церковь и отдает ей свою свободу и ответственность в обмен на то, что церковь (не в подлинном, исконном смысле этого слова, а в смысле «церковных» ценностей) даст ему «гарантию спасения». А ему теперь ничего не нужно делать, а только встроиться в так называемую соборность, которая на самом деле превращается у нас в советскую казарменность. Соборность только во Христе может быть.

Кифа: Путь обретения этой ответственности Вы видите, прежде всего, в осознании?

О. Петр: Прежде всего, конечно, в осознании. Если брать мой практический опыт, в том числе и работы с молодежью, то когда такое осознание наступает, то не происходит никакой реформации. Человек не перестает постыиться и участвовать полноценно в обрядовой жизни, такой, какая она сейчас есть в церкви. Но он просто начинает относиться к этому так, как нужно. Т.е. все у него становится на свои места, только и всего. Осознание — великая вещь.

Вот, например, причащение на Пасху в Москве. Раньше не причащали на Пасху в Москве, а в провинции и до сих пор не причащают. Люди за последние 15 лет почтили книги. Пастырская работа многих пастырей свои положительные плоды принесла. И люди уже понимают: «Как это, на Пасху — не причащаются».

Христос Учитель с апостолами.
Мозаика апсиды церкви св. Пуденцианы в Риме (около 400 г.)

на нормальная. Но нет никакой системы воспроизводства этих пастырей и этих общин. Т.е., в принципе, община это личная инициатива пастыря, не более того.

Выпуская из духовной семинарии молодого священника, церковь не ставит перед ним задачу созидания общины. Не то, чтобы его этому не учили, но как практическую задачу перед ним никто не ставит. Он поступает на приход, ему нужно служить, выстраивать отношения с настоятелем, благочинным, архиереем, кормить семью и прочее. Если он действительно горит пастырским рвением, то он будет созидать общину. А если нет, то с него за это никто не спросит.

Самой жизнью это не востребовано. Но опять же, как в том случае с армией: почему не востребовано жизнью? Потому что община требует не только пастырского труда, но, помимо ее евхаристического центра и осознания смысла евхаристии, требует нравственной евангельской жизни от членов общины. Т.е. община есть то поле, на котором человек исполняет эти нравственные евангельские заповеди по отношению к самым непосредственным ближним.

И тут — проблема, которой я тоже коснулся на Рождественских чтениях. Она заключается в том, что для нас евангельская нравственность отнюдь не на первом месте. Для нас важны как раз ценности «церковные»: посты, дис-

циплина, с какой бы хотелось. Есть какой-то «зазор» между священноначалием и повседневной церковной жизнью. Т.е. повседневная церковная жизнь строится совсем на других основаниях, чем те, которые хотели бы видеть священноначалие и достойные пастыри. Это действительно приходская жизнь, основанная на внешней аскетике, внешней дисциплине и полукликушеском отношении к церковной традиции, национализме и прочее. И это очень прочно.

Опять же, мне кажется, что здесь проблема скорее общества. Что бы здесь могла сделать церковь? Каков путь решения всех этих проблем? Конечно, никакая не революция, не реформация, не резкие реформы. Мы видим, что они никогда не приводили ни к чему хорошему. А начинать надо с осознания людьми в самих себе вот этих проблем. И вот на это должна быть направлена пастырская работа, чтобы люди выстроили иерархию христианских ценностей: что главное, что второстепенное. Этому должны быть посвящены проповеди, пастырские беседы и прочее.

Кифа: Катехизация?

О. Петр: Да, катехизация. Все упирается вот в эту проблему катехизации. То, что молодые священники выходят на трибуну и говорят, что мне нужен позарез царь, и жить без него не могу, — это проблема катехизации. Потому что никто не объяснил людям, что царь хорошо, но до определенного момента.

Все упирается в проблему просвещения

Продолжение. Начало — на с. 1

чащаться?!» И вот чаша выносится. Без всяких революций, без всяких там скандалов. Один человек осознал, другой человек осознал, вот их уже десять, вот уже община. Вот уже жизнь в общине не реформируется, а просто немного меняется и возвращается к подлинной церковной традиции... Вот, мне кажется, такой путь — через осознание.

Кифа: Осознание, связанное с просвещением?

О. Петр: Ну, это еще Лесков: «Русь крещена, но не просвещена».

Кифа: Но это трагическая формула. Просвещение — другое название крещения.

О. Петр: Да, формула трагическая. Но у нас вся жизнь трагическая. Ее никак не назовешь замечательной. Но плохо не это. Плохо то, что большинство православных не видит этого трагизма, а пребывает в этой виртуальной реальности, в розовых мечтаниях и в замке из слоновой кости.

Вот пример. Я, когда пишу статьи или готовлю доклады, всегда думаю — не слишком ли это резко. А на Рождественских чтениях я убедился, что отнюдь не резко, а именно так и есть. Я там написал, что мы ходим затылками назад. Тут же один батюшка говорит: «А я считаю, что синодальный период самый лучший!» Ну, он самый лучший, но мы ж в него не вернемся. Это разные вещи — считать его исторически самым лучшим и строить жизнь так, чтобы вернуться в синодальный период. Это совершенно разные вещи. Я сказал о том, что православные жаждут царя. Тут же другой священник говорит: «Да, я жажду царя!» Я сказал, что современность не подвергается нравственной евангельской оценке, привел пример «дедовщины» в армии. Тут батюшка говорит: «Ну и подумаешь. А вот в войну заградотряды были». Т.е. полная аберрация не только евангельского, а вообще нравственного человеческого сознания — не жалко, что ли, этих людей. Оказывается, не резко я высказываюсь. Оказывается, так оно и есть. И вот именно эти проблемы — аберрация нравственного евангельского сознания и подмена церковности тем, что ею не является: придание религиозного значения патриотизму и прочее, — это следствия тех причин, которые мы с Вами обсуждали.

Беседовал Александр БУРОВ

В СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКОМ ИНСТИТУТЕ ПРОШЛА ЗАЩИТА МАГИСТЕРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДОВ БОГОСЛУЖЕБНЫХ ТЕКСТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК В XVIII-XX ВВ.

Преподаватель кафедр миссиологии, катехетики и гомилетики и истории церкви СФИ В.К. Котт успешно защитил работу на соискание степени магистра богословия на тему «История переводов православных богослужебных текстов на русский язык в XVIII-XX вв.: духовно-просветительский аспект». Защита прошла 26 февраля 2007 года на открытом заседании Ученого совета СФИ.

Работа В.К. Котта не имеет прецедентов по полноте исследованного материала в рамках заявленной темы. Она открывает новую для многих область исследований — православную богослужебно-переводческую деятельность. Она показывает ее как цельную традицию и как движение духа со своими собственными законами развития. Работа насыщена историческими данными, связанными в единую церковно-историческую ткань. Автор вводит в оборот многие новые редкие тексты, выявляет связь жизни отдельных переводчиков и их деятельности, описывает церковный и общественный контекст богослужебно-переводческой деятельности и ее богословское и пастырское значение. Вскрывая связь общественного и церковного просвещения, работа показывает наличие целых «волн» переводческой активности, а также связи между отдельными инициативами, переводчиками и самими переводами.

Исследование открыло в Русском Православии мощную богослужебно-переводческую традицию (имеющую начало в 1760-1770-х гг., а непосредственную предысторию — с 1680-х гг.). Свой вклад в эту традицию внесли несколько сотен переводчиков, переведших несколько тысяч богослужебных текстов. Многие из них сейчас «иже во святых».

В ходе состоявшегося обсуждения особо отмечался пионерский характер работы. Так, рецензент диссертации старший научный сотрудник сектора истории русского литературного языка Института русского языка РАН А.Г. Кравецкий отметил, что «в результате проделанной В.К. Коттом работы история переводов богослужебных текстов на русский язык уже не представляет собой того белого пятна, каким она была раньше». Научный руководитель В.К. Котта проф.-святш. Георгий Кочетков также сказал, что если в начале 1990-х годов, когда В.К. Котт начинал сбор материалов, «мы все были в плену в общем-то распространенного заблуждения, что всерьез говорить о богослужении на русском языке можно было только со времени чуть ли не обновленцев 20-х годов», то сейчас, в результате проделанной работы, можно с уверенностью говорить о том, что в Русской Церкви «богослужебно-переводческая деятельность существует как традиция, а не просто как деятельность... и очень важно то, что эта традиция — одно из безусловных украшений русской церковной истории, которая сейчас абсолютно забыта, более того, полностью игнорируется». Далее о. Георгий отметил: «Эта работа, как всякая серьезная работа, по существу — некое маленькое научное и церковное открытие. И она стала обладать определенным собирающим действием. Потому что вокруг нее стали собираться люди, собирать материалы, собираться какая-то энергия духа. Я об этом хотел тоже засвидетельствовать. Это меня, может быть, больше всего радует в результатах этой работы».

О церковном значении и характере работы свидетельствовал проректор института Д.С. Гасак. Он рассказал, что работа В.К. Котта, писавшаяся в условиях жестких гонений на о. Георгия и его общину, вызванных во многом именно церковно-переводческой деятельностью самого о. Георгия, была прежде всего делом верности церкви и любви к церкви и церковному народу.

«Эта работа писалась не просто в контексте острой дискуссии в отношении необходимости и возможности перевода, а более чем дискуссии, более чем полемики... Виктор Котт переживал на себе все, что переживал на себе о. Георгий». Он особо отметил и позицию автора, для которого «вопрос духовного обновления церкви, и в этом контексте — восприятия и действительности богослужения в народе Божьем — даже более важен, нежели само по себе историческое исследование. Цель его в том, чтобы богослужение было более живым, более действенным, более динамичным, таким, чтобы церковная молитва доходила до Господа и до каждого из нас более непосредственно».

В ходе дискуссии в адрес работы было также высказано и много критических замечаний. Однако присутствовавший на защите иг. Иннокентий (Павлов) заметил по этому поводу, что в адрес известной монографии проф. СПбДА И.А. Чистовича «История перевода Библии на русский язык», «которая также была магистерской диссертацией, применимы те же замечания, которые сегодня выдвигались в отношении работы Виктора Константиновича. Тем не менее, работа Чистовича переиздается дважды уже в конце XX века и, видимо, будет еще переиздаваться. Так что в любом случае то, что сделано, это очень значимо».

Продолжая мысль о. Иннокентия, дьякон Католической Церкви Антонио Санти заметил, что работа ставит вопрос не только о требованиях, которые могли бы применяться к подобным «пионерским» работам, но и вообще о подходе к самому понятию церковной науки и о разработке фундаментального богословия: «Может быть, это для вас такая как бы провокация, чтобы пересмотреть ваши концепции о церковной науке». Рассказав о подобном пересмотре, осуществленном в XX веке Католической церковью, он отметил, что защищаемая работа — подарок для иностранца, вызвав немедленную реакцию со стороны главного библиографа Синодальной библиотеки Русской православной церкви прот. Александра Троицкого: «То, что сделал Виктор Константинович, — подарок не только для иностранцев, но и для многих наших соотечественников».

Многие из выступавших высказывали пожелания скорейшей подготовки автором к печати монографии по этому чрезвычайно актуальному для современной церкви вопросу. Значительная часть дискуссии поэтому имела в виду уже, как выразился А.Г. Кравецкий, «не столько текст диссертационного исследования, сколько чаемый книжный вариант», в отношении которого было высказано много серьезных пожеланий и предложений.

Многими отмечалось, что сама защита проходила на высоком научном уровне и стала настоящим событием для института и его гостей. Оживленное и заинтересованное обсуждение работы продолжилось на небольшом фуршете после защиты, быстро приобрел черты подлинной церковной «трапезы любви» — агапы.

Информационная служба СФИ

В НОВОКУЗНЕЦКЕ ПРОШЕЛ ПРАВОСЛАВНЫЙ ПОЛЕМИЧЕСКИЙ ВЕЧЕР, НА КОТОРОМ ОБСУЖДАЛАСЬ НЕОБХОДИМОСТЬ ОГЛАШЕНИЯ ПЕРЕД ПРИНЯТИЕМ КРЕЩЕНИЯ

Споры о необходимости оглашения перед принятием Крещения привели к оживленной дискуссии в Кемеровской епархии. Православный полемический вечер, на котором обсуждалась необходимость знакомства человека с Православием, его традициями, обрядами, праздниками и т. д., перед тем, как он придет креститься, состоялся 1 марта в городской библиотеке имени Гоголя г. Новокузнецка. Инициатор проведения вечера — священнослужитель местного храма в честь свв. мцц. Веры, Надежды, Любви и Софии иерей Олег Жеренков.

Итогом дискуссии стало решение о том, что оглашение в храмах необходимо, но Церковь пока не способна проводить его повсеместно по ряду серьезных обстоятельств.

БРАТСТВО «СРЕТЕНИЕ» ВСТРЕТИЛОСЬ С ИЗВЕСТНЫМ ЖУРНАЛИСТОМ АЛЕКСАНДРОМ АРХАНГЕЛЬСКИМ

25 февраля в актовом зале Свято-Филаретовского института (ул. Покровка, 29) состоялась встреча Сретенского братства с известным журналистом, литератором и историком Александром Архангельским.

По инициативе ведущего встречи духовного попечителя братства, профессора-священника Георгия Кочеткова разговор пошел о возрождении церкви в России. Оговорившись, что он будет рассуждать о церкви, прежде всего, как об организации, гость братства задавал вопросы участникам встречи и сам отвечал на их вопросы исходя из анализа российской общественной ситуации в целом. Поэтому в ходе общения были затронуты самые разные стороны современной и исторической действительности как в нашей стране, так и за рубежом.

Разговор затронул и такую важную для всех участников встречи тему, как базовые ценности общества в России. А. Архангельский заметил, что, несмотря на переживаемую Россией экономическую стабильность, страна находится в зоне риска. Это трудно себе представить при нынешних ценах на нефть, но ведь и распад Советского Союза в 70-е годы прошлого века казался невозможным. Параллель с тем временем прослеживалась им не только в благоприятной экономической ситуации, но и в сопровождающем ее дефиците реальных базовых ценностей (смыслов), которые должны объединять население в единую нацию. В 70-е годы советские ценности уже не работали, хотя формально и признавались большинством населения. Нечто подобное наблюдается и сейчас, когда этих ценностей просто нет.

В этих условиях, как отмечалось в дискуссии, развернувшейся на встрече, задача церкви заключается в том, чтобы не закрываться от общества. Церковь зачастую не договаривается с обществом, а идет по несколько легкому, настолько же и малоэффективному пути договоренности с государственной бюрократией. По мнению А. Архангельского, церковное возрождение связано, прежде всего, с налаживанием диалога с общественными группами: интеллигенцией, молодежью и т.п. Для этого нужно создавать различные площадки для честного диалога. Честного в том смысле, что не надо торопиться переделывать собеседника на свой манер.

Если наша церковь остро нуждается в возрождении, то общество, по мнению А. Архангельского, в нашей стране должно просто воскреснуть. Спасительным для общества и для церкви может оказаться именно общение. Для этого и необходимы подобные встречи на всех уровнях.

Закончилась встреча словами надежды на то, что состоявшийся разговор внес свою лепту в дело взаимного узнавания церкви и общества, а значит, он может послужить росту их взаимного доверия и солидарности.